

IN MEMORIAM

О ВЛАДИМИРЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ ЯДОВЕ

Уважаемые коллеги, друзья!

Мы переживаем тяжелые дни для социологического сообщества. От нас ушел близкий нам человек, наш друг и учитель, Владимир Александрович Ядов. Для меня он был хорошим товарищем, рядом с которым прошла практически вся моя профессиональная жизнь. И началась-то она по его совету и при его поддержке. Где бы я ни находился, я всегда мог ему написать, позвонить, приехать, зайти. Мы понимали друг друга. С ним всегда было интересно что-то обсуждать, спорить. Как изящно он крушил мои доводы! Какие интересные идеи мы вдруг находили! Теперь это осталось в прошлом.

В нашем отечестве имя Владимира Александровича хорошо известно всем социологам. И не только социологам. Да и не только в нашем отечестве. Причем его имя в широких кругах научной и педагогической общественности прежде всего ассоциируется с тем, что он был среди инициаторов и руководителей одного из первых в стране масштабных исследовательских проектов — «Человек и его работа», что именно он вместе со своими коллегами заложил основу отечественной социологии трудовой деятельности. Но круг его интересов в науке не ограничивался сферой труда. Обладая энциклопедическими знаниями, не обращая внимания на идеологические заслоны, он в своей научной деятельности стал многогранным талантливым исследователем социальных закономерностей, широко известным методологом и теоретиком не только в нашей стране, но и за рубежом. Мы помним

о том, что он был одним из руководителей комитетов Международной социологической ассоциации в 1980-е годы. Жаль вот только, что при этом мы как-то редко вспоминаем о том, насколько тернист был его путь к вершинам науки и к высокому научному статусу. А ведь прежде чем стать директором Института социологии АН, ему пришлось испытать на себе полную меру политического и психологического давления со стороны идеологических структур, противостоять административному диктату, попыткам сфабриковать в отношении него уголовное дело. Пришлось пережить и научную ссылку. Можно было только поражаться его стойкости. И он выстоял. Мы переживали за него, восхищались им и, как могли, поддерживали.

Мне кажется, что, говоря о той памяти, которую он оставил о себе, следует вспомнить и о той его деятельности, которая была направлена на содействие укоренению новой науки в регионах страны, на поддержку стихийно возникающих в 1960-е — 1970-е годы исследовательских центров и лабораторий. Самодетельные социологи шли к нему за советами, за поддержкой. В отличие от многих других маститых ученых, занимавшихся социологией в те годы, Владимир Александрович был всегда доступен для этих энтузиастов. Не щадя себя, он откликался на просьбы о консультациях, приезжал читать лекции, участвовал в семинарах. Причем не только в столицах, но и в отдаленных регионах страны. Он прекрасно понимал, что развитие социологии требует не только энтузиазма, которого в те годы было в избытке (вспомним хотя бы бурное развитие «заводской социологии»), но и серьезного профессионального становления. Социологическое образование тогда еще отсутствовало.

Социологическое сообщество хранит память о неожиданных и в то же время весьма результативных «шефских акциях» Владимира Александровича в самом начале нашей социологической истории. В середине 1960-х, например, он откликнулся на предложение выступить с рядом лекций по методологии и методике социологических исследований в Тартуском государственном университете, помочь тем самым его социологической группе в совершенствовании исследовательских практик. Руководителями этой группы в ту пору были известные ныне в Эстонии социологи Юло Вооглайд и Мерью Лауристин. Приезды Владимира Александровича в Тарту и проводимые им занятия продолжались довольно долго, к обоюдному удовольствию сторон. Заслышав о них, в Тарту начали приезжать питерские и московские социологи. Немаловажным результатом этих семинаров стало изда-

ние в Эстонии в 1968 году первого в Советском Союзе методического пособия для социологов. Оно включило в себя стенограммы лекций, которые Владимир Александрович прочитал в Тарту. Это пособие ценилось в те годы среди социологов страны на вес золота. Оно стало основой создания самим В.А. Ядовым ряда методологических и методических работ. А итогом был выход в 1998 году его хорошо известной книги «Стратегия социологического исследования».

Другой пример относится к истории самарской социологии. В 1971 году Владимир Александрович разрешил мне, как вновь назначенному руководителю социологической лаборатории Самарского университета, пройти стажировку в его секторе академического института в Ленинграде. Эта стажировка получила неожиданное развитие. По мере расширения программы этой практики не только я сам, но и весь состав лаборатории Самарского университета начал принимать активное участие в полевых работах «ядовского» сектора. А когда дело дошло до проекта «Человек и его работа, 1975», самарцы стали участниками организации основного исследования на предприятиях Самары.

Владимир Александрович настойчиво поддерживал такое развитие событий. Он неоднократно приезжал в Самару, читал лекции, знакомился с объектами и материалами наших исследований. А в 1979 году для участия в межрегиональном семинаре в Самару прибыл практически весь состав сектора Ленинградского ИСЭПа, который возглавлял в те годы Владимир Александрович. Все это стало серьезной научной поддержкой работы университетской социологической группы, изменило требования к теоретическому и методическому уровню исследователей лаборатории. В итоге шесть сотрудников лаборатории защитили кандидатские диссертации. А в 1998 году в Самарском университете начал работать один из первых в стране социологических факультетов (одновременно с Екатеринбургским и Ленинградским университетами). Именно на этом факультете, но уже позже, в 2002–2006 годах, при участии Владимира Александровича был издан первый в России «Теоретико-прикладной толковый словарь: Социология труда», объединивший в качестве авторов около 60 социологов страны.

Воспоминания об этой «шефской» стороне деятельности Владимира Александровича по поддержке «младой поросли» первых социологов можно было бы без труда продолжить. Это могли бы сделать сотрудники университета им. Н. И. Лобачевского в Нижнем Новгороде, социологи городов Владимира, Альметьевска и ряда других.

Все «подшефные» могли бы привести немало фактов разнообразной профессиональной поддержки, которую им оказывал В.А. Ядов. Можно вспомнить об организации Владимиром Александровичем в те годы в Москве Высших социологических курсов с прекрасными педагогами, в число которых входили и зарубежные ученые. На этих курсах тогда, в 1980-е годы, побывало большое количество начинающих и практикующих социологов страны.

Перечисляя все это, мне бы хотелось особо отметить ту роль, которую сыграл Владимир Александрович в укоренении социологии в научной жизни. Обратит внимание на его уникальное чувство личной ответственности за развитие этой новой социальной науки в нашей многострадальной стране. На его постоянные попытки добиваться профессионального подхода к исследовательской практике, исходя из интересов развития как собственно науки, так и исследовательского мастерства тех, кто берется ее развивать. И мне он особенно дорог за эти его человеческие качества. Качества замечательного Мастера.

Будем помнить его. И в силу своих возможностей будем стараться жить по Ядову.

3 июля 2015 года. Санкт-Петербург, *Б.Г. Тукумцев*